

Василий Омельченко
г. Харьков, Украина

ТАМ ЖИЛИ ПОЭТЫ...

*Там жили поэты и каждый встречал
Другого с надменной улыбкой...
А. Блок*

Не так давно прочитал в газете «Время» статью «Поэты нашего двора». О проекте «Харьковские дворики». Уже даже от одного этого слова «дворики», душевного, родного, сразу повеяло теплом воспоминаний. И возникла потребность тоже что-то поведать о «харьковских двориках», так сказать, внести и свою лепту в литературную историю нашего города.

Перед мысленным взором вмиг предстает целая череда «двориков», а стало быть, и знакомых, дорогих лиц...

Дом «Слова»... «Скворечник» на Бурсацком спуске... Панельные «хрущевки» на Павловом Поле... Дом на Веснина... Дома, которых уже нет...

Но прежде, чем продолжать, наверное, стоит несколько слов сказать и о времени, в котором жили наши земляки – «инженеры человеческих душ»...

Сегодня те, не самые далекие времена, о которых намерен поведать, называют одни – «оттепелью», следующее за ними – «застоем». Оттепель – да, была такая, творческим людям частично попустили поводья, позволили писать смелей, правдивей... Появился Солженицын, Варламов... И очереди за чтением их книг. А вот насчет застоя... я бы то время назвал как-то иначе, может быть, – «стабильность». Но о временах позже. Сейчас – о «двориках».

Бесплатная машинка

Дом «Слова», что на улице Культуры. Через дорогу от этого массивного серого здания с высокими окнами раскинулся огромный дом из красного кирпича – во весь квартал. Его, кажется, называли командирским домом, там жили военные, в основном летчики. А в доме «Слова», как известно, жили писатели (сейчас там живут люди других самых разных профессий). Мы, дети военных, почему-то недолюбливали детей из писательского дома, «воевали» с ними (надо же мальчишкам с кем-то воевать!) и дразнили их «письменыки-варэныки». Не думал тогда автор этих строк, что со временем он тоже станет... «варэником» и частым гостем в писательском дворе.

Там, спустя многие года, общался с Борисом Котляровым, Львом Галкиным, Иваном Багмутом, Костем Гордиенко, Владимиром Добровольским, Иваном Шутовым, Робертом Тетьяковым...

Чувствую, что сухое перечисление имен жильцов дома мало будет интересно для читателя. Тут, пожалуй, необходимы запомнившиеся истории общения.

В шестидесятые годы мечтой каждого молодого писателя было занять свою пишущую машинку. Желательно портативную. А у Ивана Шутова их было целых две: миниатюрная «Олимпия», которую он привез после войны из Германии, старенькая, с хромящей буквой «с» и только что купленная мощная и, главное, с крупным шрифтом – «Рейнметалл». Одну он решил продать. А я загорелся приобрести... Иван Никитич, человек мягкий, душевный и очень добрый, как-то виновато развел руками: «Не знаю, как быть... я бы с тебя денег не взял, подарил бы просто, но сегодня рано утром закончил новую повесть «Зеленые жирафы», о стилягах и надо бы это как-то отметить...». Разговор шел в клубе союза писателей. Мы выходили на улицу и решали, куда следовать дальше... Чего скрывать, пишущие люди не чурались чарки. Стални прикидывать, что мы имеем в карманах, оказалось, что не особенно звенело.

Лев Галкин, фронтовик, оптимист, душа компании и мастер каламбуров как бы вскользь заметил:

- Да ты же, Ваня, на днях, кажется, получил за книгу аванс...

- Получил... но ты же, Лева, мою Женю... (Женя – супруга И. Шутова – В.О.), как-то пресно обронил Шутов и недовольный замолчал.

Галкин вдруг расплылся в широкой улыбке и, осененный творческим порывом, деланно пафосно изрек только что возникший каламбур:

- У Жени деньги – уже не деньги!..

То есть отдал и простился с ними...

Потом Шутов сказал, что ждет денежный перевод из Киева и предложил: если сейчас в почтовом ящике у него будет перевод, он дарит мне «Олимпию» и все мы идем ее обмывать... а если нет... – он неопределенно пожал плечами.

Минут через десять мы стояли во дворе дома «Слова» в нетерпеливом ожидании результата – есть перевод или нет? Через пару минут из подъезда выходит наш дорогой товарищ Шутов... Вид у него зажато торжественный. И было отчего: в руке, как чемпион медаль, он держал на виду заветную бумажку-перевод, а в другой руке – пишущую машинку «Олимпия».

- На почту, а потом – в «Кристалл»... – сказал он и протянул мне мою мечту – пишущую машинку: - Дерзай, старик!

Честная компания вмиг оживилась: в «Кристалл» – это дело!»

Стасик Шумицкий, поэт и журналист, прирожденный знаток украинского языка и, как все поэты, мастер на импровизацию, тут же срифмовал:

- Мой друг пристал – айда в Кристалл!

Ваш покорный слуга в тот вечер покинул компанию раньше других – не терпелось поставить на стол драгоценный подарок и начать «дерзать» – по-современному.

Наш Дед

«Старику», то бишь, автору этих строк, как и многим собратьям по перу, тогда не было и тридцати и просто тогда в ходу было это бравадное среди молодых – «старик». Однако был в харьковском писательском сообществе и настоящий старик или как за глаза его почтительно называли – Наш Дед, Кость Алексеевич Гордиенко. Авто знаменитого тогда романа «Буймир», лауреат государственной премии имени Т.Г. Шевченко. Он тоже жил в доме «Слова», правда, большую часть времени проводил он в чудесном местечке с поэтическим названием Лебедин... Маленький городок с красивыми церквями и гоголевским базаром с обязательными козами. Нас сближало то, что в сорока километрах от Лебедина находилось мое родное село – и на малую родину я ездил через Лебедин, и, конечно же, каждый раз навещал нашего Деда.

Когда впервые сказал, где родился, Кость Алексеевич просиял:

- О-о, да в твоих краях имел поместье наш земляк поэт Василий Туманский – друг Пушкина...

Говорить было о чем. О делах в харьковской писательской организации, о рыбалке и охоте, о целебной и вдохновляющей силе природы, о том, каков герой нашего времени – это было тогда актуально.

Помню, однажды при встрече Кость Алексеевич был хмур. Поздоровавшись, тут же пояснил:

- В русской «Литературке» обнародовали наш спор с Паустовским – какого цвета дикие голуби, белые или темные...

И пояснял, почему иногда они кажутся белыми – когда видишь их на фоне черной тучи... Он был знаток природа и человеческой души.

Жил Кость Алексеевич в сосновом бору на окраине городка в небольшом кирпичном доме, который состоял из двух половин: справа от входа в сени – хозяйкина часть (она жила с сыном) а слева – комната писателя, к моему удивлению, одна... Более чем скромная обстановка: большая кровать, застеленная простым покрывалом, письменный стол, возле него огромный сундук, похожий на диван, за которым Дед держал горючее – к нему часто приезжали гости и не только из Украины... а до магазина топтать и топтать – автомобиля у писателя не было, а человек он был хлебосольный...

Однажды я поинтересовался, почему Кость Алексеевич не приобретет целый дом, к нему же часто приезжают гости... тем более, что человек он вполне состоятельный, книги выходят часто и хорошими тиражами...

Гордиенко лукаво скосил глаза и сказал, по-моему, то, что говорить не очень хотел, но мы уже пригубили по чарке и обстановка располагала к откровенному разговору:

- Если бы у меня был дом, когда бы я работал?.. – спросил он и прищурил глаза, – вот ты заехал ко мне – я рад... ну... перекусили, погутарили по душам... и ...

Он подыскивал слова, чтобы не обидеть собеседника и потому я сам подсказал:

- И я не засижусь...

Дед протянул мне крепкую крестьянскую руку.

- Понимаешь...

Поинтересовался я однажды и почему он живет один, в смысле, без семьи... Такой вопрос, может быть, и не стоило задавать, уж больно он сугубо личный, деликатный, мы были давними... нет, не друзьями, и не приятелями – хорошими знакомыми, к тому же – земляками. И Кость Алексеевич, к моему некоторому изумлению, как-то уж больно твердо произнес:

- Хочешь долго жить – живи один...

Конечно, писатель Гордиенко жил не один... И вместе с тем – один, то есть он был свободен. А свобода так необходима творчеству. А свобода – это воздух для художника.

Кость Алексеевич написал много хороших книг и жил долго – девяносто четыре года, как и положено деду и в жизни, и в литературе – патриарху украинской литературы. Когда еще больше состарился, окончательно перебрался в Харьков и последние дни свои провел в доме «Слова».

«Скворечник» на Бурсацком

Дом на Бурсацком спуске – «скворечник»... Крутые, скрипучие деревянные ступени вели в маленькую квартирку большого поэта – Бориса Чичибабина. Здесь бывали один из первых бардов в Советском Союзе Леша Пугачев, невысокий крепыш, который под гитару пел свирепым голосом свои и чичибабинские песни. Сюда заходила выпить чашечку кофе Александра Лесникова – обаятельная, талантливая... которая со сцены доносила до людей лучшие стихи и прозу любимых писателей. Аркадий Филатов, поэт и киношник, художник Валентин Чернуха (Пругачев тоже рисовал и однажды по его просьбе я привел художника профессионала, чтобы он оценил творчество артиста и певца)...

Словом, в доме на Бурсацком всегда было многолюдно и интересно. Что меня сближало с Борисом Чичибабиным? Оба мы служили в армии – таким людям проще понимать друг друга. Сближало, что мы не были чле-

нами партии и мыслили свободней от партийцев. За инакомыслие Бориса Чичибабина пытались отлучить от поэзии - запретили печатать. В то время были списки – кого не печатать. Не печатали поэта Чичибабина почти двадцать лет! Меня тоже на какое-то время перестали печатать, но по другой причине. Шла борьба с тунеядством, а ваш покорный слуга нигде не служил, то есть не работал. Когда об этом узнали «там», то сказали: не печатать его до тех пор, пока не пойдет работать. Не член союза писателей тогда не имел права нигде не работать... Но я же кормил семью... Принилось пойти работать в «Гидрометобсерваторию», гидрологом. А прекрасный русский поэт, которому самим Всевышним было предписано творить поэзию и дарить ее людям, на долгие годы оказался в трамвайно-троллейбусном парке на далеко не поэтической работе бухгалтера.

Но самое главное, что сближало с Б. Чичибабиным – нашим общим литературным Богом был Пушкин. К тому же автор этих строк тоже грешил стихами...

И получилось так, что мне довелось жить на улице Бориса Чичибабина (жил, когда она носила название «8-го съезда Советов». В-третьих, нас вместе принимали в союз писателей СССР. И потом в то далекое время мы просто были довольно близки. Передо мной его книги с надписями... «Васе Омельченко на добрую память от старого друга – Борис Чичибабин 19.02.1991». «Василию Омельченко в знак давней дружбы – Борис Чичибабин. 19.02.1991»...

Помню, рекомендацию в союз Б. Чичибабину давал Маршак и это как-то сразу Чичибабина поднимало в наших глазах – Марша-ак... «Мистер Твистер, Бывший министр... Делец и банкир... Владелец заводов, Газет, пароходов...» Эти строки звучат и сейчас... Да и в союз писателей нас вместе принимали.

Принимали вместе с нами и фантаста Владимира Михановского. Как и положено, после отправились в ресторан «Харьков» – там у нас был знакомый официант Слава Иваненко, который приходил к нам в клуб играть на бильярде, а мы к нему – разговляться. Михановский не захватил с собой денег, что было нехорошо с его стороны: именишник и на халяву... Кто-то посоветовал отослать его за деньгами, ядом, в доме «Слова». Борис заступился:

- Неудобно как-то гонять человека, у нас-то деньги есть...

Борис Чичибабин был человек очень тонкий, добрый и предельно совестливый. Если в каких-то неловких ситуациях один мой друг говорил: да ничего, переморгаем! И делал то, что ему было нужно, но это шло в ущерб другим, то Борис в таких случаях действовал, как и следует порядочному человеку – не переступал порог приличия. Мне почему-то врезались в память эти его слова «как-то неудобно это...» И лицо его при этом имело выражение просительнo-болезненное: не надо, ребята...

Помню, в конце восьмидесятых, когда полки в магазинах стремительно пустели, и продукты становились явным дефицитом, домашние заботы столкнули нас в большом гастрономе, что напротив завода имени Малышева. В то время слово «рабочий» еще звучало, с рабочим классом еще считались, и если в городе появлялся дефицит, то в первую очередь завозили продукты не в гастрономы в центре города, а в магазины рабочих районов.

В тот день мне кто-то позвонил: «- На Малышева масло дают!».

Через полчаса я – там. В магазине толпа, как на вокзале в трудные времена. Масло отпускали сразу во многих отделах. К каждому из них солидная очередь. Занял, как и другие жаждущие масла, сразу в двух или в трех очередях – где быстрее подойдет очередь, там и стану, да и лишний раз возьму продукт, масла-то давали по полкилограмма...

Где-то через полчаса стояния в галдящей очереди, вижу высокого мужчину с кустистыми бровями, который становится в хвост моей очереди – Борис Чичибабин. Хотелось сказать людям: пропустите поэта без очереди... Но кто внемлет бы моим словам... Да и Борис вряд ли бы стал решиться взять те несчастные пол кило масла без очереди. Подошел к нему, обменялись какими-то незначительными словами, посетовали, что времена настали не лучшие, и я предложил ему стать в очереди впереди меня, скажу, что я на тебя занимал... Борис виновато улыбнулся: «- Да нет, не надо, неудобно как-то...»

Но в более важных делах Борису Чичибабину было удобно.

Цветы для незнакомки

В один из таких вечеров мы шли по Сумской: Не в настроении. У меня не ладилось в семье и у него – тоже. А была весна. А в парке цвела сирень. Из окон домов неслась музыка.

Купите фиалки,
Вот фиалки лесные,
Скромны и неярки,
Они словно живые...

На углу цыганка продавала цветы, правда, не фиалки, а белые крымские подснежники. Борис вдруг приостановился, загадочно и как-то счастливо улыбнулся:

- А давай купим букет и подарим... самой грустной девушке, которая нам первая встретится....

Купить можно, сказал я, но дарить первой встречной как-то...

- Неудобно... – добавил я его же любимой оговоркой.

Поэт взглянул на прозаика так, как, наверное, и должен смотреть поэт на прозаика – с холодной насмешкой, деланно надменно: что, мол, ты понимаешь в жизни... И будто бы нравоучительно изрек:

- Неудобно на потолке спать – одеяло падает!.. А девушке дарить цветы...

Цветы были куплены и вручены девушке, которая стояла в одиночестве на углу, потерянная, грустная. Быть может, ждала парня, который еще не пришел... а может, и вообще не придет...

Девушка смутилась, конечно же, отказывалаеь от неожиданного подарка, но приняла и улыбнулась.

А что еще надо поэту – чтобы люди, знакомые и незнакомые – улыбались жизни... Если сами мы не всегда может быть счастливыми, то пусть хоть кого станет чуть счастливей...

Пришло время и свою истинную любовь Борис Чичибабин нашел.

ОНА верна ему и сегодня – Лилия Семеновна Карась-Чичибабина, перед которой автор этих строк низко склоняет голову...

За то, что, благодаря ее заботе, увековечена память большого поэта – в Харькове названа улица его именем, на одном из домов, где жил поэт, установлен его барельеф, открылся и активно действует культурный «Чичибабин-центр» с библиотекой и читальным залом. Для любителей слова тропа сюда не зарастает...